

Французский интертекст в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого

Šincek, Jelena

Master's thesis / Diplomski rad

2020

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:524706>

Rights / Prava: [In copyright](#)/[Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-04-20**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i

književnosti

Katedra za rusku književnost

Diplomski rad

Французский интертекст в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого

Studentica: Jelena Šincek

Mentorica: doc. dr. sc. Danijela

Lugarić Vukas

Ak. godina: 2019. /2020.

U Zagrebu, 3. 8. 2020.

University of Zagreb

Faculty of Humanities and Social Sciences

Department of East-Slavic Languages and Literatures

Russian Literary Section

Final Thesis

French Intertext in the Novel War and Peace by L. N. Tolstoy

Student: Jelena Šincek

Advisor: Danijela Lugarić Vukas,
PhD.

Academic Year: 2019. /2020.

Zagreb, 3. 8. 2020.

Содержание

Введение.....	4
1. Создание и выпуск романа «Война и мир»	6
1.1 Периоды работы над романом «Война и мир»	6
1.2 Рецепция	8
1.3 Изменения – почему во втором издании нет французского.....	10
2. Французский интертекст в романе «Война и мир».....	14
2.1 Интертекст в теоретическом измерении	14
2.2 Французский язык как характеристика героев романа	16
2.2.1 Французский как признак социальной группы	16
2.2.2 Андрей Болконский	19
2.2.3 Пьер Безухов.....	21
2.2.4 Элен и Анатоль.....	22
2.2.5 Статус французского во время кампании 1812 года	23
2.3 Связи и намеки на определенные французские литературные произведения	26
2.3.1 «Carte tendre»	26
2.3.2 Намеки на определенные французские тексты.....	28
2.3.3 Монтескье и Прудон.....	30
Заключение	34
Литература	36
Sažetak	38
Ključne riječi	38
Ключевые слова.....	38
Životopis.....	39

Введение

Русская литература в мировом литературоведении (или рядовом читателю образованном вне России) прежде всего известна в качестве писателей реалистической плеяды. Л.Н.Толстой и его литературная деятельность обозначены произведениями, которые истекают из традиции реалистической прозы. Период реализма в литературной истории был одним из самых плодотворных периодов с точки зрения создания романов. Кроме продуктивных писателей отдельно, развивается и международный обмен размышлениями по вопросу литературной эстетики. Более конкретно, Толстой писал о французских писателях, и наоборот – французские критики и писатели писали о Толстом. Особую роль в связи Толстого с его французскими современниками сыграл Тургенев, с которым Толстой часто спорил, но всегда находил и общие мысли. Когда Толстой пишет, а позже и когда «Война и мир» опубликована во французском переводе, Тургенев сыграл важную роль критика определенных элементов, но одновременно, он во французской прессе с похвалой подчеркивал его превосходность.

Толстой, как русский аристократ, был знаком как с французским языком, так и с французской литературой и ему современными литературными движениями. Связь Толстого с литературными актуальностями за границей, а также и с политическими и философскими тенденциями подействовала на первые две фазы его творчества, а идеи Руссо остались присущими и в его поздних, более философских текстах.

Литературное творчество и вопросы из жизни Льва Николаевича Толстого обработаны уже во многих контекстах. Начиная с биографии, интерпретации произведений, интерпретации философских размышлений, анализа «Дневников», этюды о языке Толстого и его стиле, все это было предметом многочисленных исследований. Лев Николаевич Толстой считается образцом не только в русской литературной истории, но и в мировой литературе. Феномен его деятельности литератора, а параллельно с тем и его биографические моменты, являлись интересными не только в царской России, но и вне ее границ.

Между тем, вопросы воздействия на Толстого, не на его философские и религиозные размышления, но именно на его писательскую деятельность и его связи с текстами французских писателей, темы которые обработаны только в нескольких статьях и у значительном этюде Эйхенбаума.

Когда в 1863 году Толстой начинает писать «Войну и мир», у него нет заключительной идеи о структуре этого романа. Даже заглавие в первом издании в *Русском вестнике* было другое. «Война и мир» специфичен и на уровне развития структуры, и на уровне развития героев. Впервые текст романа выходил в частях в *Русском вестнике*, в том периоде такой вид публикации романа (частично, в магазине) был регулярной практикой и для писателей представлял шанс привлечь публику. Именно это удалось Толстому и в последствии этот текст издан в нескольких изданиях уже за жизни Толстого, с тем же самым заглавием с которым в 1861 году печаталась книга французского автора в изгнании, Прудона.

Все это приводит к вопросу интертекстуальности, т.е. множества текстов, вплетенных в эпопею «Война и мир». Впоследствии, «Война и мир», как это отметил Виноградов, продукт не только русской, но и французской литературы.

1. Создание и выпуск романа «Война и мир»

1.1 Периоды работы над романом «Война и мир»

Литературная деятельность Л.Н. Толстого разделяется на три периода: первый период от 1852 года до 1859 года, второй от 1859 до 1878 и третий период от 1879 до 1910 (Lauer 2009: 142-146). Периоды его литературной деятельности контрастны, центры интереса Толстого в каждой его фазе литературной деятельности совсем меняются. В начале второй фазы, в 1860 и 1861 году, Толстой побыл за границей, где его прежде всего интересовала проблематика народного образования. В то же время, за границей, Толстой пишет статью «О народном образовании». Несмотря на его начальный интерес к педагогике, суть второго путешествия в Европу было «возвращение в литературу» (Эйхенбаум 2009: 347). Значительным показалось свидание Толстого с Ауэрбахом, а прежде всего, когда речь идет о «Войне и мире», свидание Толстого с Прудоном. Недолго после путешествия, в 1862 году, Толстой женится на Софии Берс. Первые годы брака, Толстой посветил писанию «Войны и мира».

Хотя Толстой в «Дневнике» делает намек на источник идеи романа «Война и мир», конкретным началом писания считается 1863 год. В статье «Несколько слов по поводу книги Война и мир», напечатанной в № 3 *Русского вестника* за 1868 г. и написанной не ранее февраля этого года, Толстой говорит, что на создание «Войны и мира» им «положено пять лет непрерывного и исключительного труда». Таким образом начало работы над романом сам Толстой определил к началу 1863 года.

Толстой в октябре 1863 года пишет:

Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта – роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени... Я теперь писатель всеми силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал.

Благодаря «Дневнике» Толстого, а также его переписке с А. Толстой и записям Софии Толстой, можно сделать вывод, что Толстой действительно начал работу не позднее 1863 года. Поскольку работа над романом длилась больше, чем пять лет (с 1863 по 1869 год), надо напомнить, что уже самая идея романа много изменялась. Границы того

исторического периода несколько раз менялись. Зайденшнур пишет: «Толстой решил раскрыть эпоху в самом действии без предварительного публицистического введения, а историко-философские рассуждения автора войдут с самого начала в образную ткань повествования» (Зайденшнур 1966: 15).

Эйхенбаум (2009: 478) разделяет период работы Толстого над «Войной и миром» на четыре периода. Первым считает период до декабря 1863 года, вторым 1864 год до падения с лошади, потом работа с 1865 по 1866 год, когда заглавие романа было «Все хорошо, что хорошо кончается». Толстой имел намерение закончить роман в 1867 году, но последний этап оттянулся до 1869. В последнем периоде заглавие уже «Война и мир», а текст издан в отдельных томах.

Желая обойти цензуру¹, Толстой отказался от первоначального плана самостоятельного издания книги. Впоследствии, Толстой принял решение печатать текст в *Русском вестнике*, под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год». Первую часть романа (первые 38 глав, соответствующие гл. I—XXVIII первой части первого тома «Войны и мира») «Тысяча восемьсот пятый год» Толстой передал в *Русский вестник* в ноябре 1864 г. В «Дневнике» Толстого в 1864 году находится только одна запись, а последнее записанное Толстым в дневнике в 1865 г. было следующее: «[12 ноября] Пищу, здоровье хорошо, и не наблюдаю. Кончаю 3-ю часть...».

Можно сделать вывод, что это относится именно на вторую часть первого тома «Войны и мира», первой частью которого считает напечатанное в №1 *Русского вестника* за 1865 г., а второй напечатанное в №2 *Русского вестника*. Эту часть Толстой напечатал в *Русском вестнике* 1866 г. №2, 3, 4, с датой 21-го декабря 1865 г. и с подзаголовком – «Война». В том же 1866 г. обе части вышли отдельным оттиском под названием «Тысяча восемьсот пятый год».

Интересным является и момент прекращения «Дневника». Толстой не пишет дневник с 1865 года по 1873 год, а останавливается именно написанной датой. По мнению Н. Н. Гусева, писавшего статьи на тему «Войны и мира» в издательстве Толстовского музея, прекращение дневника Толстого 1865 года указывает на невозможность определения истории создания «Войны и мира». Но, благодаря письмам Толстого, членов семьи Берс,

¹ Толстой 27 ноября 1864 года в письме жене пишет следующее: «(...) а я, признаюсь, боюсь издавать сам, хлопот с типографией, и главное, с цензурой».

издателей и других его современников, возможно найти основные данные для создания истории процесса писания «Войны и мира».

С тех пор, когда Толстой прекращает писание «Дневника», начинается, для романа «Война и мир», самая значительная работа. Толстой формирует герои до деталей и роман «превращается» в эпопею.

Только в декабре 1867 года вышел первый том, а в декабре 1869 года – последний. Содержание каждого тома устанавливалось в процессе работы над ним. Только после отделки и сдачи в печать очередного тома Толстой переходил к следующему. С исправления двух напечатанных в *Русском вестнике* частей под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» началась подготовка романа к печати. (Зайденшнур 2009: 71)

Бартеневу Толстой пишет следующее шестого февраля 1869 года:

Посылаю последние листы пятого тома. Это последние и последний раз. Ради бога не покидайте меня и просмотрите эти листы так же, как вы просмотрели предпоследние, и поторопите Рису набирать, печатать и выпускать книжку. Эти листы по содержанию лучше мною проверены, чем прежние, только корректуры и рукопись очень измараны и местах в двух не сделаны переводы.

1.2 Рецепция

В 1865 в *Русском вестнике* №1 и №2 напечатан текст со заглавием «Тысяча восемьсот пятый год», который Толстой передал в редакцию журнала в конце 1864 года. Эйхенбаум (2009: 468) отметил, что в начале 60-х годов 19-ого века статус беллетристики меняется, поскольку мемуары, биографии и разные исторические тексты стали больше популярными. Этот контекст является важным и для рецепции «Войны и мира» в русском обществе.

С одной стороны, критики «Тысяча восемьсот пятого года» указывали на большой успех, уже с опубликования первой части в *Русском вестнике*. О новом произведении Толстого писали многие современники: Фет, Тургенев, Достоевский, Боткин, Салтыков-Щедрин. Одни совсем восхищены текстом, другие полны критики конкретных элементов текста. Но, с другой стороны, круг более консервативных писателей современников, критиковал

исторические элементы и обвиняли Толстого в неточности, при чем некоторые влиятельные исследователи того времени, как например И. Тургенев, писали ряд между собой противоречивых критик.

Что касается исторических элементов, Толстой сам объяснил проблему писателя и действительности в истории. В контексте романа «Война и мир» писатель, по своему признанию, руководился антиисторизмом, т. е. он отказался от рассмотрения общественных явлений с исторической точки зрения (Ожегов 2014: 47).

Разногласие мое в описании исторических событий с рассказами историков. Оно не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различных предмета. Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни, так и художник не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом. (Толстой 1868)

В тексте опубликованном в 1868 «Несколько слов по поводу книги Война и мир», Толстой подробно разъясняет разницу между историком и художником. Намерение Толстого писать об этой проблематике, указывает на то, что его современники реагировали на вопрос исторической точности в «Войне и мире». Прежде всего, точность в описании военных лиц и военных эпизод вызвала реакцию русской военной и исторической среды. Одна из причин такой рецепции «Войны и мира» – восприятие на фоне исторической и мемуарной литературы. Первые реакции на текст, который опубликован под заглавием «1805 год», надо рассматривать как результату тогда актуального вопроса о мемуарах и романах. Текст «1805» года приводил в смущение русских читателей, отмечающих и элементы беллетристики, и элементы мемуарной литературы. Эйхенбаум (2009: 497) приводит для примера письмо А.Д. Блудовой П. Анненкову (16 марта 1865 г., из Ницци):

«1805 год» Толстого не слишком нравиться мне, – больше плохого французского языка, чем русского, и несвязные разговоры без всякого интереса. – Может быть, это только введение в роман, но скучновато – а кн. Вяземский говорит, что даже и неверно. Если лица вымышленные, то безжизненные. – Если портреты, то не довольно похожи, чтобы можно было annoncer les masques.

Ответ Толстого на такие критики, написан им в тексте «Несколько слов по поводу романа Война и мир», следующий:

Я бы очень сожалел, ежели бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или другое действительное лицо; в особенности потому, что та литературная деятельность, которая состоит в описывании действительно существующих или существовавших лиц, не имеет ничего общего с тою, которою я занимался. (Толстой 1868)

Некоторые критики подействовали на издания «Войны и мира», которые были опубликованы позднее. Прежде всего, вопросы, вызванные определенными критиками, побудили Толстого на писание текста «Несколько слов по поводу романа Война и мир». В следующей главе мы посмотрим издания, опубликованные позднее.

1.3 Изменения – почему во втором издании нет французского

В письме Каткову, которое Толстой послал 3 января 1865 года, пишет и следующее:

Рукопись исчеркана, прошу меня извинить, но до тех пор, пока она у меня в руках, я столько переделываю, что она не может иметь другого вида. Французские письма я перевел и, по-моему, можно не печатать перевода, но нельзя не печатать французский текст.

В контексте русского текста, надо обратить особое внимание именно на письмо Толстого Каткову. Из письма ясно, что Толстой давал преимущество французскому языку. Причина этого уже описана во второй части анализа. Причина того, что Толстой не считал нужным переводить французские письма (здесь прежде всего письмо Жюли Курагиной), распространенность овладения французским языком между русскими читателями.

Для истории романа «Война и мир» значительным является и 1873 г., когда Толстой пишет Страхову с просьбой помочь ему переработать роман «Война и мир», который будет издаваться как часть собрания сочинении Толстого. Переписка Толстого со Страховым указывает на изменения, которые Толстой имеет намерение сделать. Здесь является и вопрос употребления французского языка в тексте «Войны и мира».

Еще я занимаюсь поправкой «Войны и мира». Исключаю все рассуждения и французское и ужасно желал бы вашего совета. (письмо Страхову, 11 мая 1873 г.)

31 мая того же года, Толстой пишет и следующее:

Другое, что я сделал, переводил всё французское по-русски; но еще не кончил 4, 5 и 6 тома, и кое-где выкидывал плохое.

В письме 22 июня, Толстой пишет:

Уничтожение французского иногда мне было жалко, но в общем, мне кажется, лучше без французского.

В *Московских Ведомостях* по поводу этого издания было написано:

Граф Толстой вычеркнул все те разговоры на французском языке, кои без ущерба колориту могли быть переданы на русском, главное, выключил все рассуждения о военном искусстве, и все взгляды на историю вообще и некоторые события 12-го года соединил под общим названием «Мысли о войне 12-го года».

Это издание занимает V—VIII т. третьего восьмитомного издания «Сочинений графа Л. Н. Толстого». Следующее издание сочинений Л. Н. Толстого было выпущено в 11 томах (издание бр. Салаевых) в 1880 г., а текст был тот же, как и в издании 1873 г. В издании сочинений из 1886 г., двенадцати томное издание (типография Мамонтова), в котором «Война и мир» занимает т. V—VIII, С.А. Толстая решила «поставить на места французский язык и все философские и военные рассуждения». Все следующие издания, которые опубликованы при жизни автора, а также и посмертное издание 1911 года, издание 1912 года и все издания после того года составлены в том же образе. Одновременно, опубликовано издание, в котором французский язык отсутствует. По Эйхенбауму, это издание было предназначено для более широкого круга читателей (Эйхенбаум 2009: 557). В более дорогом издании (большой формат и хорошая бумага) – с французским языком, в дешевом (малый квадратный формат и плохая бумага) – с русским языком.

Надо подчеркнуть факт, что первая редакция текста печаталась по мере писания, а вторая была исправлена таким образом, которым является уступкой общему мнению и мнению литературных критиков. Можно думать, что Л. Н. Толстой произвел это изменение

отчасти под влиянием критических отзывов о его романе, в многих из которых указывалось на то, что личные рассуждения автора нарушают стройность художественного произведения. Таким образом, в издании 1873 года «Война и мир» появилась с приложением, названным «Статьи о кампании двенадцатого года», с особой нумерацией страниц (1—190), состоявшим из 19 глав, каждая под отдельным названием (Гусев).

В конце, роман «Война и мир» был объектом перемен, происходивших на протяжении десяти лет (1863 – 1873). Процесс изменения, происшедших в этом периоде, можно анализировать на нескольких уровнях. Эйхенбаум указывает на два важных момента в процессе писания – это 1865 г. и переход с 1867 на 1868 г. (Эйхенбаум 2009: 549). Первый год обозначает проявление интереса к историческим лицам – Наполеону и Александру.

19 Марта. Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона (Толстой 1962).

Второй пункт перемены относится на включение периода Наполеона в России, т. е. поход Наполеона на Россию.

В предисловии первого издания Толстой пишет:

Употребление французского языка в русском сочинении. Для чего в моем сочинении говорят не только русские, но и французы частью по-русски, частью по-французски? Упрек в том, что лица говорят и пишут по-французски в русской книге, подобен тому упреку, который бы сделал человек, глядя на картину и заметив в ней черные пятна (тени), которых нет в действительности. (Толстой 1868)

Почему в 1873 году Толстой отходить от идеи французского языка, несмотря на это убеждение, представленное и в «Несколько слов по поводу романа Война и мир»? Ответ на этот вопрос можно искать в разных характеристиках времени в котором «Война и мир» опубликована, а также и в самой жизни Толстого. С момента начала работ над романом «Война и мир», Толстой изменился и сама эпоха воздействовала на него. Кроме того, русские критики пишут о нескольких элементах, между тем и о проблеме употребления французского языка.

26 февраля 1865 года общий приятель Тургенева и Толстого И. П. Борисов писал Тургеневу:

Прочли ли вы «1805 год» Льва Толстого? Не знаю, что именно лишает его всей силы впечатления. Французские ли диалоги или то скрытое презрение и какой-то свой личный, но неопределенный, порой равнодушный, порой с язвинкой взгляд на все выведенные лица. Хотя очевидно, что это только подготовка будущих происшествий.

Цяпловски делает вывод, что:

Но и Страхов без согласия Льва Николаевича, конечно, не позволил бы себе вносить что-либо новое в сочинения Толстого, почему и нужно считать, что в какой-то доле Толстой к делению на четыре тома и подразделению их на части, а также и к восстановлению французского текста «руку приложил». В этом выразилась его «последняя воля» по отношению к тексту романа «Война и мир», каноническим текстом которого и нужно признать текст 1886 года или, точнее, второго издания 1868—1869 г.

Как результат критики Толстой решил опубликовать предисловие, в котором более в несколько пунктов разъясняет свои взгляды и роль художника. Этот элемент является интересным, поскольку концепция «искусство ради искусства» совсем отсутствует в поздних фазах творчества Толстого и является даже предметом критики в публицистических произведениях. Вопрос употребления французского языка будем далее обсуждать в следующих главах.

2. Французский интертекст в романе «Война и мир»

2.1 Интертекст в теоретическом измерении

Термин интертекст происходит из французского l'intertextualité. Теоретики литературы 60-х годов 20ого века старались объяснить связь между текстами. Когда уже было ясно, что текст невозможно считать самостоятельным и когда вопрос значения углубился, текст стали рассматривать не самостоятельно и независимо, но как он существует в отношении с другими текстами. Референцию заменяет интертекстуальность.

В концепции интертекста и интертекстуальности важную роль представляют работы русского критика, философа и филолога Михаила Бахтина. Бахтин утверждал, что интертекстуальность – это диалог между текстами в широком смысле (Compagnon 2009: 126). Бахтин вводит идею общественной интеракции между дискурсами. Его исследования/монографии анализируют роман как изначально диалогическую форму. В этом контексте Бахтин определяет творчество Толстого как монологическое, Достоевского как полифоническое. Произведения Толстого Бахтин считает менее реалистичными и поэтому их толкует как монологические.

На французской сцене, в кругу семинара Роланда Барта, теорию Бахтина представила Юлия Кристева в своих работах о тексте как мозаика цитат. Термин интертекстуальность, конечно, развивается глубже в более поздних исследованиях ряда исследователей, но нам здесь самым интересным являются именно критические итоги Бахтина и Кристевой.

Когда речь идет о произведениях Толстого, анализированных в контексте работы Бахтина, надо прежде всего упомянуть этюд «Вопросы литературы и эстетики».

Язык, как та живая конкретная среда, в которой живет сознание художника слова, никогда не бывает единым. (...) Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров, тождественные абстрактные элементы языка внутри этих различных кругозоров наполняются различными смысловыми и ценностными содержаниями и звучат по-разному. (Бахтин 1975: 101)

Хотя Бахтин в этом фрагменте пишет об одном языке и о жаргонах внутри его, элемент французского в контексте «Войны и мира» можно рассматривать таким образом. Французский язык в контексте «Войны и мира» существует как язык определенной социальной группы. Согласно мнению Шкловского, в 30е годы французский язык не был языком Франции (иностранным языком), но «язык определенной социальной группы» (Шкловский 1970: 206). Как будет анализировано ниже, французский в «Войне и мире» имеет значительную роль. Кроме общественной ситуации, и контекста присутствия французской культуры в аристократических кругах, французский вносит и «символическое значение» в описаниях характеров героев «Войны и мира». Гореловф пишет:

...le français était devenu une langue de classe, d'est à dire une barrière artificielle qui séparait la haute noblesse du peuple russe, ou ce que Tolstoi appelait dans ses œuvres de jeunesse „les gens comme il faut“ du reste de la population russe.²
(Goreloff 1975: 74)

Обращая внимание на присутствие французского языка в произведениях русских авторов, Жмегач в «культурно-историческом описании» заглавия «Portreti gradova» упоминает именно «Войну и мир» Толстого. Жмегач объясняет, что причину употребления французского языка возможно найти в правлении Елисаветы, внебрачной дочери Петра Великого (Žmegač 2018: 248).

Толстой в тексте «Несколько слов по поводу романа Война и мир» тоже указывает на «привычку употреблять французский язык» в эпохе, которую обрабатывает в романе.

Есть характер того времени (как и характер каждой эпохи), вытекающий из большей отчужденности высшего круга от других сословий, из царствовавшей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т. п. И этот характер я старался, сколько умел, выразить. (Толстой 1868)

Употребление французского языка аристократами имеет значительную роль в Войне и мире. Но кроме французского языка, в «Войне и мире» упомянуты и разные тексты французской литературы.

² «... французский язык стал языком определенного класса, то есть искусственным барьером, отделявшим высшее дворянство от русского народа, или то, что Толстой в своих юношеских произведениях называл «людьми, как надо» от остального русского населения» (перевод наш).

2.2 Французский язык как характеристика героев романа

2.2.1 Французский как признак социальной группы

Письмо А.Е.Берс из 18 сентября 1863 г. указывает на то, что Толстой искал описания русской общественной жизни начала 19ого века. Из писем видно, что Толстой изучал общественную жизнь и культуру периода, в котором происходит действие в романе «Война и мир». Важно упомянуть, что в 1863 г. Толстой интересуется не столько политической военной стороной эпохи, сколько бытовой, домашней – в том числе жизнью провинциальных семейств, живших вдали от театра войны (Эйхенбаум 2009: 471). Следовательно, Толстой в центре своего романа поставил частную жизнь описываемой эпохи и общие характеристики времени. Первоначально Толстой не вводил описания политических событий и описания исторических лиц, что прежде всего заметно из писем, полученных Толстым от его жены, которая занималась перепиской рукописи «Войны и мира».

Я знаю, в чем состоит тот характер времени, которого не находят в моем романе, — это ужасы крепостного права, закладыванье жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п.; и этот характер того времени, который живет в нашем представлении, — я не считаю верным и не желал выразить. Изучая письма, дневники, предания, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь или когда-либо. В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями; та же была сложная умственно-нравственная жизнь, даже иногда более утонченная, чем теперь, в высшем сословии. (Толстой 1868)

Начало романа «Война и мир» один из таких фрагментов текста, которые для нашего анализа является значительным. Уже первое лицо, во вводной сцене, употребляет французский язык, который кроме стилистической роли, содержит и описание характера. В тексте французским языком пользуются почти все лица, а кроме диалогов и писем на французском языке иногда осуществляются внутренние монологи героев, как, на пример, следующий монолог Растопчина в моменте, когда французская армия уже была перед Москвой:

La voilà la populace, la lie du peuple, - думал он, глядя на толпу, - la plèbe qu'ils ont soulevée par leur sottise. Il leur faut une victime»³, - пришло ему в голову, глядя на размахивающего рукой высокого малого. (Толстой 1962: 364/II)

La populace est terrible, elle est hideuse, - думал он по-французски. – Ils sont comme les loups qu'on ne peut apaiser qu'avec le chair.(...) J'avais d'autres devoirs, - подумал он по-французски. – Ils fallait apaiser le peuple. Bien d'autres victimes ont peri et perissent pour le bien publique⁴. (Толстой 1962: 369/II)

Кроме французского, Толстой воспользовался и добавлениями в тексте, как например «говорить по-французски»:

„Борис, не торопясь, чистым и правильным французским языком, рассказал весьма много интересных подробностей о войсках, о дворе, во время своего рассказа старательно избегая заявления своего мнения насчет тех фактов, которые он передавал. (там же: 468/II)

Либо пример, когда Николай говорит Наташе о Соне:

- Наташа, - сказал он ей шепотом по-французски, - знаешь, я решился насчет Сони. (там же: 676)

Княжина Марья поняла и оценила этот тон.

- Я очень благодарна вам, - сказала ему княжина по-французски, (...). (там же: 171/II)

Переписка Жюли Курагиной и Марьи Болконской хорошо иллюстрирует то, что Толстой изучал, читая корреспонденцию аристократии того периода. Переписка Жюли и Марьи указывает на характерную форму писем аристократии.

Жюли писала:

«Chère et excellente amie, quelle chose terrible et effrayante que l'absence! J'ai beau me dire que la moitié de mon existence et de mon bonheur est en vous, que malgré la distance qui nous sépare, nos cœurs sont unis par des liens indissolubles: le mien

³ «Вот она чернь, эти подонки народонаселения, плебеи, которых они подняли своей глупостью! Им нужна жертва» (там же: 364/II).

⁴ «Народная толпа страшна, она отвратительна, - думал он по-французски. - Они как волки: их ничем не удовлетворишь, кроме мяса.» (...) У меня были другие обязанности, - подумал он – Надо было успокоит народ. Много других жертв погибло и гибнет для общественного блага (там же: 369/II).

se révolte contre la destinée, et je ne puis, malgré les plaisirs et les distractions qui m'entourent, vaincre une certaine tristesse cachée que je ressens au fond du cœur depuis notre séparation⁵(...). (Толстой 1962: 115/1)

Доказательства, что Толстой действительно читал письма эпохи, о которой писал, прежде всего можно найти в корреспонденции Толстого с Е. А. Берс, старшей сестрой его жены Софьи Андреевны. Из корреспонденции Толстого можно привести конкретные письма, которые ему добавляли члены семьи, которые ему были источником общественной культуры.

Я прочел целый волюм писем Волковой, которые она писала Ланской в 1812 и 1813 годах; теперь читаю письма 1814 года. Для меня они интересны в высшей степени, она говорит в своих письмах о лицах, которых она знала в молодости, а я всех их под старость. Также весьма интересны ее описания об духе того времени, – и все и все в них интересно. (письмо Толстого Е. А. Берс, 23 октября 1863 года)

Следующие цитаты приводим для того, чтобы показать коммуникацию в салонах. В «Войне и мире» два салона, первый, в котором действие начинается, салон Анны Павловны, и второй, салон Элен. Эти два салона будут упомянуты и позже в контексте перемены отношения к французам и всему французскому. Но сначала приведем несколько цитат, которые характеризуют салон Анны Павловны в связи с употреблением французского языка.

– Eh, mon cher vicomte, - вмешалась Анна Павловна, - l'Urope (он почему-то выговаривала l'Urope (она почему-то выговаривала l'Urope, как особенную тонкость французского языка, которую она могла себе позволить, говоря с французом), l'Urope ne sera jamais notre alliée sincère⁶. (Толстой 1962: 468/II)

Французский язык в тексте романа «Война и мир» часто более четко определяется дополнительным эпитетом. В этом случае упоминается «тонкость французского языка». Понятно, «тонкость» в выражении аристократов указывает на общие характеристики

⁵ «Милый и бесценный друг, какая страшная и ужасная вещь разлука! Сколько ни твержу себе, что половина моего существования и моего счастья в вас что несмотря на расстояние, которое нас разлучает, сердца наши соединены неразрывными узами, мое сердце возмущается против судьбы, и, несмотря на удовольствия и рассеяния, которые меня окружают, я не могу подавить некоторую скрытую грусть, которую испытываю в глубине сердца со времени нашей разлуки» (там же: 115/1).

⁶ «Ах мой милый виконт... Европа никогда не будет нашей искреннею союзницей» (там же: 468/1).

определенной социальной группы. Как в «Войне и мире» говорила сама Анна Павловна, у нее на вечерах собиралась «la crème de la véritable bonne société, la fine fleur de l'essence intellectuelle de la société de Pétersbourg» (Толстой 1962: 465/1). Именно с этой социальной группой связывается употребление французского языка. По Горелову (1975: 74) французский язык стал существовать как язык определенного класса. Французский язык разделял русскую аристократию от простого русского народа, т.е. французский язык был барьером между сословиями в русском обществе.

2.2.2 Андрей Болконский

Герой, через которого Толстой вносит философские элементы в контекст «Войны и мира» – Андрей Болконский. В процессе создания романа Толстой делал многие перемены, которые резко изменяли образ Андрея. Начиная с впервые задуманной смерти Андрея на Аустерлицком сражении. В одном эскизе Андрей описан следующим образом:

(...), что этот молодой человек был бы гораздо приятнее, ежели бы он не говорил так отлично и вяло, всегда по-французски, не был бы так хорошо надушен и приглажен и не напускал бы на себя такого неприятного равнодушия и лени и женственности, за которые враги его прозывали Шюшкой. (Зайденшнур 1966: 164)

Многочисленные примеры в тексте, подтверждающие, что Андрей «говорил французский с особенным изяществом (там же: 161).

- Le général Koutuzoff, - сказал Болконский, ударяя на последнем слоге zoff, как француз – a bien oulu de moi pour aide-de-champ... (Толстой 1962: 20)

Заметно также употребление добавочных примечаний: Толстой добавляет выражения как например «с французским акцентом», «французским выговором», «говорил по-французски». Следовательно, это ударение на язык, употребляемый Андреем, указывает на добавочную окраску, которую носит употребление французского Андреем Болконским.

„Quarante milles hommes massacrés et l'armée de nos alliés détruite, et vous trouvez là le mot pour rire – сказал он как будто этою французскою фразой

закрепляя свое мнение. – C'est bien pour un garçon de rien, comme cet individu, dont vous avez fait un ami, mais pas pour vous, pas pour vous⁷. Мальчишкам только можно так забавляться, - прибавил князь Андрей по-русски, выговаривая это слово с французским акцентом, заметив, что Жерков мог еще слышать его. (Толстой 1962: 163/1)

Кроме того, ему было приятно после австрийского приема поговорить хоть не по-русски (он говорил по-французски), но с русским человеком (...). (там же: 195/1)

Посмотрим также разговор Билибина и Андрея:

Он продолжал все так же на французском языке поизнося по-русски только те слова, которые он презрительно хотел подчеркнуть. (там же: 197/1)

Окраска «презрительности», которую вносит французским языком, уже указывает на субъективность в значении и каким образом употребление определенного языка в «Войне и мире» акцентирует эмоциональные элементы героев. «Презрительная» окраска французского упоминается и позже в тексте:

– Очень хорошо, извольте подождать, - сказал он генералу по-русски, тем французским выговором, которым он говорил, когда хотел говорить презрительно(...). (там же: 217/1)

Контраст между русским и французским углубляет Андрей, когда говорит о Пфулье, французах, англичанах, итальянцах и русских:

(...) Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-оборожительным как для мужчин, так и для женщин.(...)Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. (там же: 52/II)

Продолжая в этом смысле, некоторые характеристики со собой носят значение, указывающее на принадлежность «французскому» или «русскому»:

⁷ «Сорок тысяч человек погибло, и союзная нам армия уничтожена, а вы можете при этом шутить. – сказал он как будто этою французскою фразой закрепляя свое мнение. – Это простительно ничтожному мальчишке, как вот этот господин, которого вы сделали себе друго, но не вам, не вам» (там же: 163/1).

Билибин находился теперь в качестве дипломатического чиновника при главной квартире армии и хотя и на французском языке, с французскими шуточками и оборотами речи, но с исключительно русским бесстрашием перед самоосуждением и самоосмеянием описывал всю кампанию. (там же: 475)

Один из французов обратился с обыкновенной французской учтивостью к упорно молчавшему Ростову (...). (там же)

2.2.3 Пьер Безухов

Значительная часть французских фрагментов находится в диалогах Андрея Болконского и Пьера Безухова. Центральные мужские герои «Войны и мира», введившие определенный контраст – это именно Андрей и Пьер. Иногда диалоги русские, но и при этом повествователь часто вводит определенное французское слово или выражение.

- Да это все тот же я, это не другие, – сказал князь Андрей, – а другие, ближние, *le prochain*, как вы княжной Марьей называете, это главный источник заблуждения и зла. *Le prochain* – это твои киевские мужики, которым ты хочешь делать добро. (Толстой 1962: 491/1)

В критическом этюде о романах Л.Н. Толстого заглавия «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л.Н Толстого», опубликованном в *Русском вестнике* 1890 г., Леонтьев пользуется интересным для анализа термином – веяние. Для романа «Война и мир» и его «колорита», очень важным является окраска, которую в текст вносит именно французский язык. Если в центр поставим изображение эпохи и его *zeitgeist* («дух эпохи»), элемент французского (и его отсутствия) указывают на перемены в обществе, прежде всего на внутренние трансформации героев романа. По Горелову, в тексте очевидным является «психолингвистическая эволюция Пьера». Именно Пьер является носителем значительного количества французского интертекста в романе Толстого, а его «психическая эволюция» заметно подействует и на его отношение к французской выдумки – революции.

Контраст существует в употреблении русского и французского. Пьеров альтер эго, который в ситуациях внутреннего диалога выражается по-русский, и Пьеров эго,

который в салонских эпизодах «выбирает» французский язык. Это хорошо заметно в эпизоде, когда Пьер признается в любви:

- Je vous aime!⁸ – сказал он, вспомнив то, что нужно было говорить в этих случаях; но слова эти прозвучали так бедно, что ему стало стыдно за себя.
(Толстой 1962: 272/I)

В эпизоде входа Пьера в масонскую ложу, которая для развития этого героя является значительным моментом, тоже стоит следующее примечание:

Какой-то человек в странном одеянии показался у двери. Вилларский, выйдя к нему навстречу, что-то тихо сказал ему по-французски и подошел к небольшому шкафу, в котором Пьер заметил различные невиданные им одеяния. (Толстой 1962: 452/II)

В конце первой части третьего тома, когда Пьер находится у Слободского дворца, узнаем, что он отбросил романтические взгляды на французскую революцию:

Пьер, с раннего утра стянутый в неловком, сделавшемся ему узким дворянском мундире, был в залах. Он был в волнении: необыкновенное собрание не только дворянства, но и купечества – сословий, états généraux – вызвало в нем целый ряд давно оставленных, но глубоко врезавшихся в его душу мыслей о Contrat social⁹ и французской революции. (Толстой 1962: 99/II)

2.2.4 Элен и Анатоль

Если в «Войне и мире» искать лицо, характерное для французского романа 19ого века, тогда профиль Элен и Анатоля подходит салонам французской столицы. Сначала, эти два лица кажутся неинтересными, поскольку Толстой (в первых двух томах) не разрабатывает их с психологического ракурса, как это делает с Пьером, Наташей, Марьей и Андреем. Французский язык, на котором они говорят, кажется особенно интересным в отношениях с Пьером, но тоже и как очерк их характера. Элен –

⁸ «Я вас люблю!» (там же: 272/I).

⁹ «Общественный договор».

одновременно «la femme la plus distinguée de Pétersbourg»¹⁰ и воплощение разврата, культурологического символа французских салонов и кулуаров.

– Где вы – там разврат, зло, – сказал Пьер жене. – Анатолю, пойдёмте, мне надо поговорить с вами, – сказал он по-французски. (Толстой 1962: 757/І)

Когда развратная жизнь Курагиных станет распадаться, Элен все-таки выражается по-французский, указывая на определенный статус в аристократическом обществе.

- Ah, maman, ne dites pas de bêtises. Vous ne comprenez rien. Dans ma position j'ai des devoirs,¹¹ – заговорила Элен, переводя разговор на французский с русского языка, на котором ей всегда казалась какая-то неясность на ее деле. (там же: 305/ІІ)

Повествователь здесь относительно четко акцентирует «неясность» русского, поскольку прежде делает ударение на «грубую точность речи» Элен:

(...)Вам сказали(...) – Элен засмеялась, – что Долохов мой любовник, сказала она по-французски, с своей грубой точностью речи, выговаривая слово «любовник», как и всякое другое слово, – и вы поверили! (там же: 408/І)

2.2.5 Статус французского во время кампании 1812 года

Во втором томе, в котором описываются кампании 1812 года, меняется отношение героев текста к употреблению французского языка. Французы снова стали врагом русского царя Александра I, России и таким образом в обществе московского дворянства случилась перемена статуса французского языка. Фон французского языка воздействует на сюжет романа «Война и мир». Сам язык как бы является метафорой сильнейшего врага русского народа того времени. Это, конечно, Наполеон Бонапарт: тот, который уничтожает русских мужчин, тот, который лишает жизни сыновей матери России.

Если возвратиться на период перед кампанией 1812 года, когда отношение к французскому меняется и когда патриотизм высказывается совсем по-другому, тогда надо посмотреть Наташу Ростову и следующую цитату: «И такова была Наташа, с ее

¹⁰ «самая замечательная женщина Петербурга» (Толстой 1962: 563/І).

¹¹ «Ах, маменька, не говорите глупостей. Вы ничего не понимаете. В моем положении есть обязанности» (там же: 305/ІІ).

удивлением, радостью, и даже ошибками во французском языке» (там же: 589). Ошибки во французском языке характерны для Наташи и для Ростовых. Статус Ростовых между аристократами тоже можно определить статусом французского в их семье.

Эпизод после охоты, когда Наташа у дяди танцует, особенно хорошо иллюстрирует ее «русскость». В этом эпизоде повествователь представляет Наташу в совсем новом ракурсе:

Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, - эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, - этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка. (Толстой 1962: 654/I)

Если возвратиться на вопрос перемены статуса французского, надо отметить следующую реакцию в доме Ростовых:

- Хватают, хватают, - сказал граф, - я графине и то говорю, чтобы поменьше говорила по-французский. Теперь не время.
- А слышали? – сказал Шиншин. – Князь Голицын русского учителя взял, по-русски учится – *il commence à devenir dangereux de parler français dans les rues*¹². (Толстой 1962: 90/II)

Намек на Голицина указывает на статус французского. Ростовы интересны для анализа, потому что, в контрасте с салоном Анны, у Ростовых французский язык не так много используется в домашней коммуникации в семье.

После дома Ростовых, письменная коммуникация Жюли и Марьи тоже свидетельствует о перемене статуса французского языка между русскими аристократами. В начальной части романа, самые большие фрагменты текста на французском языке именно письма между Жюли и Марьи. Когда наступает угроза, ее можно подтвердить и письмом Жюли:

Я вам пишу по-русски, мой добрый друг, - писала Жюли, - потому что я имею ненависть ко всем французам, равно и к языку их, который я не могу слышать и говорить (...). (Толстой 1962: 112/II)

¹² «Становится опасным говорит по-французски на улицах» (там же: 90/II).

Отношение к французам, конкретно здесь ненависть, указана употреблением русского вместо французского языка.

В обществе Жюли, как и в многих обществах Москвы, было положено говорить только по-русски, и те, которые ошибались, говоря французские слова, платили штраф в пользу комитета пожертвований.

- Другой штраф за галлицизм, - сказал русский писатель, бывший в гостинной.
– «Удовольствие быть» - не по-русски. (там же: 188)

В кружок Анны Павловны принимались из французов только закоренелые легитимисты, и здесь выражалась патриотическая мысль о том, что не надо ездить во французский театр и что содержание труппы стоит столько же, сколько содержание целого корпуса. (...) В кружке Элен, румянцевском, французском, опровергались слухи о жестокости врага и войны и обсуживались все попытки Наполеона к примирению. (...) В этом кружке иронически и весьма умно, хотя весьма осторожно, осмеивали московский восторг, известие о котором прибыло вместе с государем в Петербург. (там же: 136)

Противники пользуются одним языком – французским. Несмотря на враждебность французов во второй части, когда военные отношения между французской и русской армии на вершине напряженности, руководители русской армии между собой употребляют французский язык. Французский язык как символ французской культуры указывает на то, что французская культура является структурообразующим элементом русской аристократии. Между более высокими кругами общества, в том числе в кружке Элен и между военными лицами, французский употребляется неожиданно часто. В том контексте выделяется Кутузов, при чем интересным является то, что из-за этого описания Толстой получил критики после первого издания в *Русском вестнике*. Как особенно интересный пример мы выделим эпизод разговора между Чичаговым и Кутузовым:

- C'est pour me dire que je n'ai pas sur quoi manger... Je puis au contraire vous fournir de tout dans le cas même où vous voudriez donner des dîners¹³, - вспыхнув, проговорил Чичагов, (...) Кутузов улыбнулся своей тонкой проницательной

¹³ «Вы хотите мне сказать, что мне не на чем есть. Напротив, могу вам служить всем, даже если бы вы захотели давать обеды» (там же: 634/II).

улыбкой и пожав плечами, отвечал: - *Ce n'est que pour vous dire ce que je vous dis*¹⁴. (Толстой 1962: 634/II)

В то же время в Москве появляется лицо, уже упомянуто в начале 2.2.1, для которого тоже характерно употребление французского языка. Следующие цитаты свидетельствуют о том, что французский язык в Москве того времени, т.е. перед входом французской армии в город, был языком обыденной коммуникации.

(Растопчин) ...то высылал всех французов из Москвы, то оставлял в городе г-жу Обер-Шальме, составлявшую центр всего французского московского населения(...)то писал в альбомы по-французский стихи о своем участии в этом деле, - (...). (Толстой 1962: 296-297/II)

La populace est terrible, elle est hideuse, - думал он по-французски. – *Ils sont comme les loups qu'on ne peut apaiser qu'avec le chair*¹⁵. (там же: 369/II)

*Je suis né Tartare. Je voulais être Romain. Les Français m'appelèrent barbare. Les Russes – Georges Dandin*¹⁶. (там же: 297/II)

Тем хуже для вас. *Tu l'as voulu George Dandin*¹⁷, вот все, что мы можем сказать. (там же: 466/I)

Наконец можно сделать вывод, что употребление французского языка характерно для более искусственных, ненатуральных ситуаций и лиц. Искусственность в контексте «Войны и мира» связывается с аристократами, прежде всего в салонах Анны Павловной и Элен Курагиной, а натуральность связывается с лицами, у которых происходит значительная трансформация. Трансформация не относится только на психологические трансформации, но и на употребление французского языка.

2.3 Связи и намеки на определенные французские литературные произведения

2.3.1 «Carte tendre»

¹⁴ «Я хочу сказать только то, что говорю» (там же: 635/II).

¹⁵ «Народная толпа страшна, она отвратительна. Они как волки: их ничем не удовлетворишь, кроме мяса» (там же 369/II).

¹⁶ «Я родился татаринном. Я хотел быть римлянином. Французы называли меня барбаром. Русские – Жоржем Данденом» (там же: 297/II).

¹⁷ «Ты это хотел, Жорж Дандэн». (там же: 466/I)

Как уже было упомянуто в 2.1., при царице Елисавете Петровне, французский язык в виде французских философов и беллетристов кружил между русской аристократией. Следовательно, когда речь идет о французском интертексте в «Войне и мире», кроме французских диалогов и фрагментов на французском языке, надо обратить внимание также на намеки на французских авторов и их произведения. Некоторые из этих произведений, пришедших в Россию в периоде царицы Елисаветы, которых в салонах охотно читали русские аристократы, появляются и в Войне и мире. Но кроме французских произведений этого периода, упомянуты и произведения других периодов – от Мольера до Руссо, Монтескье, Мадам Генлис и скрытой связи с Прудоном. Как введение в следующую часть анализа, приведем цитату из пятой части второго тома «Войны и мира».

И где нам, князь, воевать с французами! – сказал граф Ростопчин. - Разве мы против наших учителей и богов можем ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, посмотрите на наших барынь. Наши боги – французы, наше царство небесное – Париж. (...) - Костюмы французские, мысли французские, чувства французские (...). (Толстой 1962: 697/II)

Между прочим, появляется и намек на «Carte tendre»:

Вот вы знаете, граф, - обратилась она к Пьеру, - даже наш милый cousin Борис, который был, entre nous, очень и очень dans le pays du tendre... - говорила она, намекая на бывшую в ходу тогда карту любви. (Толстой 1962: 602)

«Carte du tendre» («Carte de tendre») – французский феномен, упомянутый и Мольером в «Смешные жеманницы» («Les Précieuses ridicules»). Эта карта создана в 17. столетии лицами французского салона, между которыми была и Екатерина (Катрин) де Вивон, маркиза де Рамбуй. Инспирацией послужил текст «Клелия, римская история» («Clelie, histoire Romaine») Мадлен де Скюдери. Несмотря на то, что самое имя и содержание на первом уровне кажутся банальным, нужно рассмотреть, как «Carte du tendre» использована в контексте «Войны и мира» потому что карта пользована как своеобразна комнатная игра, развлекающая аристократов во французских салонах. Если сделаем анализ глубже, «Carte du tendre» спрашивает есть ли у человека влюбленного свобода. Этот вопрос обсуждается в французской литературе больше, чем столетие: может ли любовь быть «искусственно создана» или она существует только как «фатальная страсть»?

Тема страсти обрабатывается и в «Войне и мире» в контексте нескольких любовных отношений. Первое отношение, подходящее этому контексту – это отношение Пьера и Элен. Пьер почти лихорадочно откладывает решение осознавая, что отношение с Элен принесет пропасть. И это можно рассматривать и в контексте употребления принципа «*Carte du tendre*». Цитаты приведенные в 2.2.3 относятся именно на отношение Пьера к Элен. Но, когда Вера говорит о *rays de tendre*, она говорит о Борисе, что видно из выше приведенной цитаты.

2.3.2 Намеки на определенные французские тексты

Кроме употребления французского языка, для описания героев использованы и определенные литературные произведения, читаемые героями. Этот аспект указывает на факт, что «Война и мир» рассчитывает на более образованного читателя, которому известны произведения упомянутых французских авторов. Иначе говоря, сквозь весь текст «Войны и мира» перечисляются французские тексты популярные во время действия романа, т.е. в начале 19ого века. Таким образом Кутузова связываем с произведением «Рыцари Лебедя» («*Les chevaliers du Cygne*»). Из этого можно сделать вывод, что произведения, которые читались в французских салонах, также читались в салонах русской аристократии.

Он держал в руке французскую книгу и при входе князя Андрея, заложив ее ножом, свернул. Это были «*Les chevaliers du Cygne*», сочинение *madame de Genlis*, как увидел князь Андрей по обертке. (Толстой 1962: 183/II)

Образ Кутузова интересен также из-за корреспонденции с Мадам де Сталь. Сегодня хорошо известно, что ее салон был местом встречи сторонника либеральной конституционной монархии. *M-me Staël* из-за этой причины была в столкновении с революционерами и Наполеоном.

Таким привычным исполнением и подчинением жизни были его разговоры с штабными, письма к *m-me Staël*, которые он писал из Тарутина, чтение романов, раздачи наград, переписка с Петербургом и т.п. Но гибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, единственное желание. (Толстой 1962: 542/II)

Как пишет Жюль Патуле, несмотря на случившееся в первых 15 лет 19ого века и несмотря на общую ненависть русских к французам, интеллектуальные связи Франции и России не изменились. «L'esprit français» все такие присутствовал среди русских, а его престиж не переменял свой статус. Его статья «Molière et sa fortune en Russie»¹⁸ исследует репутацию Мольера в России, но одновременно она дает интересные замечания о присутствии и статусе французских классиков в русской публике. Для Толстого, Мольер является одним из важнейших авторов французской литературы. Элементы исследования Патуле базируются на разговоре с сыном Н.Л. Толстого – Л.Л. Толстым, в котором Лев Львович рассказывает об общих Толстому и Мольеру идеях. Лев Левович сказал: «Il le regardait comme un du rares et éternels maîtres et amis de tous ceux qui aiment la littérature (...)»¹⁹ (Patouillet 1922: 293).

В «Войне и мире» Мольер упоминается несколько раз. После дуэли с Долоховым, Пьер вступает в конфликт с Элен. В внутреннем монологе, во время этой ссоры, Граф Безухов упоминает Людовика XVI и Робеспьера, а потом и цитату Мольера.

«Зачем я сказал ей: «Je vous aime?» - все повторял он сам себе. И, повторив десятый раз этот вопрос, ему пришло в голову Мольерога *mais quel diable allait il faire dans cette galère?*, и он засмеялся над собою. (Толстой 1962: 407)

Цитата «*mais quel diable allait il faire dans cette galère*» входит в комедию-фарс «Проделки Скапена» («*Les fourberies de Scapin*») из 1671 года. Сцену из которой взята эта цитата, Мольер заимствовал из пьесы Сирано де Бержерака «Проученный педант» («*Le Pédant joué*», 1654). Приведенную сцену (II акт, 7-я сцена), Сирано тоже заимствовал из итальянской пьесы «Капитан» Фламинио Скалы из 1611. В седьмой сцене «Проделки Скапена», тот же самый вопрос повторяется несколько раз. В французском языке это предложение стало использоваться как поговорка в значении «почему он пустился в это рискованное предприятие». В контексте состояния Пьера, эта цитата очень подходит. В этом фрагменте существует связь с фрагментом текста в котором описывается момент когда Пьер решает заявить любовь Элен. Для Пьера положение в первой части второго тома представляет именно то, что он почувствовал перед тем, как заявил любовь Элен.

¹⁸ «Мольер и его судьба в России».

¹⁹ «Он смотрел на него как на одного из немногих и вечных мастеров и друзей всех тех, которые любят литературу...» (перевод наш).

Он поступил в отношении, которое показалось именно таким, каким он предчувствовал – опасным с мучительным концом.

Тысячи раз в продолжение этого полутора месяца, во время которого он чувствовал себя все дальше и дальше втягиваемым в ту страшившую его пропасть... (Толстой 1962: 266/1)

2.3.3 *Монтескье и Прудон*

Следующий французский автор, чье имя можно найти в тексте «Войны и мира» – это Монтескье. Шарль Луи де Секондаа, барон де Ля Брэд и де Монтескье (1689-1755) – французский писатель и философ, прежде всего известен как писатель «Персидских писем», но в контексте «Войны и мира» более значителен его текст «О духе законов» («De l'Esprit des lois», 1748). Согласно Монтескье, существуют три формы правления: республика, монархия и деспотия. В третьей книге «О духе законов», заглавия «О принципах трех видов правления» («Des principes de trois gouvernements»), Монтескье толкует формы правления учитывая принципы каждой формы. Принцип республики – добродетель, принцип монархии – честь, а принцип деспотии – страх. Именно на эту книгу ссылается Андрей Болконский в разговоре со Сперанским.

– Я почитатель Montesquieu, - сказал князь Андрей. – И его мысль о том, что le principe des monarchies est l'honneur, me paraît incontestable. Certains droits et privilèges de la noblesse me paraissent être des moyens de soutenir ce sentiment²⁰.
(Толстой 1962: 549/1)

Последний французский автор, перечислен в начале 2.3.1 – это Прудон. Пьер-Жозеф Прудон (1809 – 1865) – современник Л.Н. Толстого, был журналистом, философом, экономистом, социологом и политиком. Прудона считают первым человеком, назвавшим себя анархистом. Его деятельность привела его в ссылку в Брюссель, где познакомился с Толстым в марте 1861 года.

Хотя в заглавии произведения «Война и мир» можно анализировать каждое слово отдельно и обсуждать значения этих слов, нас интересует заглавие с другой точки

²⁰ «основание монархии есть честь, мне кажется неосомненною. Некоторые права и преимущества дворянства мне представляются средствами для поддержания этого чувства» (там же: 550/II).

зрения. Мы знаем, что заглавие текста писатель менял несколько раз. Выбор заглавия можно поставить в отношении с произведением Прудона, опубликованным на французском языке в 1861 году. Это была книга «La Guerre et la Paix» или по-русски «Война и мир». Русский перевод опубликован в 1864 году, в двух томах. Связь текста Прудона и текста Толстого упоминается только в этюде Эйхенбаума, но эту связь можно найти практически на каждом шагу в романе Толстого. Кроме самого названия текста, этот роман наполнен «отступлениями в сторону философии истории и войны» (Эйхенбаум 2009: 348). Такие интертекстуальные элементы существуют прежде всего в последних двух томах.

Но всякий раз, когда были завоевания, были завоеватели; всякий раз, когда делались перевороты в государстве, были великие люди» - говорит история. Действительно, всякий раз, когда являлись завоеватели, были войны, отвечает ум человеческий, но это не доказывает, чтобы завоеватели были причинами войн и чтобы возможно было найти законы войны в личной деятельности одного человека. (Толстой 1962: 283-284/II)

Вопросу причины войны Прудон уделил особое внимание в четвертой части «О первопричине войны» («De la cause première de la guerre»). Связь текста Прудона и Толстого уже на поверхностном уровне кажется глубокой, но в этом анализе отметим только более поверхностный уровень, который можно заметить прежде всего в качестве представления пути Пьера Безухова.

К.Н. Леотьев упоминает (не упоминая, однако, связь с текстом Прудона), что Пьер смотрит на войну «как на одно из высших, идеальных проявлений жизни на земле, несмотря на все частные бедствия, ею причиняемые». Цитата подтверждает сходство размышления Пьера с идеями о войне, о которых писал француз Прудон.

La guerre est divine dans la protection accordée aux grands capitaines, même aux plus hasardeux, qui sont rarement frappés dans les combats, et seulement lorsque leur renommée ne peut plus s'accroître, et que leur mission est finie²¹. (Proudhon 1869: 32)

²¹ «Война божественна в защите, предоставляемой великим капитанам, даже самым рискованным, которых редко поражают в боях, и только тогда, когда их слава больше не может расти, и их миссия закончена» (перевод наш).

Возникает вопрос о том, насколько достоверно сделать вывод, что кроме французского текста, произнесенного героями романа, французский текст заметен и на уровне переноса идеи текста «Война и мир» Прудона, через голос Пьера? Если посмотреть первые главы текста Прудона, заметно значительное влияние на самое формирование персонажей и их внутренние монологи.

Седьмая глава, чье заглавие «Guerre et paix», содержит цитату «Ainsi, la guerre et paix, elles s'alternent dans l'histoire comme, dans la vie de l'individu»²². В жизни Пьера и Андрея война и мир сменяют друг друга, не только в прямом значении слова война, но и в виде внутренних войн и внутренних миров. Любовь, религия (масонство), вопрос собственности и свободы, все это существует в сюжете и трансформирует герои романа.

Кроме того, Прудон пишет и о частной собственности. Эта тема, как известно, интересовала также Толстого и в нами обсуждаемом романе эту проблематику обрабатывал в ходе развития сюжетной линии, связанной с Пьером Безуховым и Андреем Болконским. Хотя тот же вопрос Толстой обрабатывает и в своих поздних текстах, совпадение тематики текста Прудона с той же тематикой в произведении Толстого, не может быть случайным, особенно если учитывать тот факт, что в своем тексте Прудон цитирует также других французских авторов, между тем и де-Местра, которого и Толстой упоминает в «Дневнике» из 1865 года. Как известно, выпуск текста Прудона совпадает с упоминанием де-Местра в дневнике Толстого. Толстой читал его «Correspondance diplomatique (1811—1817), recueillie et publiée par Albert Blanc». Эта книга даже сохранилась в яснополянской библиотеке.

1 Ноября. Та же строгая гигиена. Совершенно здоров, как бываю редко. Писал довольно много. Окончательно отделал Билиб[ина] и доволен. Читаю Maistr'a.
Мысль о свободной отдаче власти. (Толстой 1865)

Интересным является тот факт, что, с исключением Эйхенбаума, литературоведы практически не анализировали связь текста Толстого с текстом Прудона. Несомненно, что элементом французского интертекста в Войне и мире можно считать и совокупность идей, проблем, прежде всего философских и политических, вплетенных в размышления, т. е. во внутренние диалоги героев Войны и мира. Некоторые размышления героев совсем совпадают с взглядами, изложенными Прудоном в произведении «Война и мир».

²² «Таким образом война и мир сменяют друг друга в истории и в жизни человека» (перевод наш).

Ainsi l'idée de guerre enveloppe, domine, régit, par la religion, l'universalité des rapports sociaux. Tout, dans l'histoire de l'humanité, la suppose. Rien ne s'explique sans elle ; rien n'existe qu'avec elle : qui sait la guerre, sait le tout du genre humain. Qu'une innocente philanthropie se demande par quels moyens la société triomphera de cette fureur parricide, elle en a le droit. La guerre est un sphinx que notre libre raison est appelée à métamorphoser, sinon à détruire.²³ (Proudhon 1861:56)

Анализ писем Жюли в стилистической перспективе указывает на их связь с рядом среди французской аристократией популярных эпистолярных романов второй половины 18ого века. Кроме этого, описание петербургского салона безошибочно напоминают на салоны, описанные в произведениях французской литературы.

²³ «Таким образом, идея войны окружает, доминирует, регулирует через религию всеобщность социальных отношений. Все в истории человечества предполагает это. Без нее ничто не объяснимо; только при ней что-то может существовать: кто знает войну, знает все о человеческом роде. Пусть невинная филантропия задается вопрос, какими средствами общество восторжествует над этой отцеубийственной яростью, она имеет на это право. Война – это Сфинкс, которого наш свободный разум призван метаморфизировать, если не уничтожить» (перевод наш).

Заключение

Ainsi, la guerre et la paix, corrélatives l'une à l'autre, affirmant également leur réalité et leur nécessité, sont deux fonctions maîtresses du genre humain. Elles s'alternent dans l'histoire, comme, dans la vie de l'individu, la veille et le sommeil; comme dans le travailleur la dépense des forces et leur renouvellement, comme dans l'économie politique la production et la consommation. La paix est donc encore la guerre, et la guerre est la paix: il est puéril de s'imaginer qu'elles s'excluent.²⁴ (Proudhon 1861: 161)

Приведенные три предложения «Войны и мира» Пурдона как будто суммируют сюжет произведения Толстого, опубликованного, в своей конечной форме, под тем же заглавием – «Война и мир». Французский интертекст в «Войне и мире» является многослойным и поэтому его не надо анализировать только на фоне французского языка, которым выражаются определенные лица в определенных ситуациях. Французский интертекст в «Войне и мире» находится на других, более глубоких уровнях текста: в литературных и культурологических референциях, в галлицизмах принца Василия. Следовательно, французские фрагменты в «Войне и мире» указывают не только на границу между общественными группами, но также на глубокое влияние французского языка и французских литературных произведений на творчество Л.Н. Толстого.

Понятно, существует значительно число исследований, обрабатывающих и анализирующих «Войну и мир», между которыми некоторые были использованы и в этой работе. Несмотря на их многочисленность, не существует глубинный и подробный анализ многоуровневого французского интертекста в «Войне и мире».

Источник многих политических идей, присутствующих на страницах «Войны и мира» Л.Н. Толстого, можно найти именно в произведениях французов, как например в работе Прудона, Монтескье и Руссо. Имеем ли в виду только текст нами анализируемого романа, открывается возможность анализа рецепции нескольких французских философов. А если текст «Войны и мира» поставим в контекст опуса Толстого в целом, тогда фигурирование французского текста является совсем очевидным. Важным

²⁴ «Таким образом, война и мир, соотносимые друг с другом, также утверждают свою реальность и необходимость, являются двумя главными функциями человеческого рода. Они сменяют друг друга в истории и в жизни индивида, бодрствование и сон; как в работнике расход сил и их обновление, как в политической экономии производство и потребление. Мир – это война, а война – это мир: наивно воображать, что они исключают друг друга» (перевод наш).

является также то, что французский интертекст романа «Война и мир» дает возможность читателю осознать *zeitgeist* периода, картину которого создает в своем произведении. Добавим, что именно французский интертекст подтверждает толстовский антиисторизм.

Литература

Бахтин, М. (1975): *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература.

Виноградов, В. (1939): *О языке Толстого*. В: «Литературное наследство», том 35, с. 123. Москва.

Гусев, Н. Н.: *Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Глава четырнадцатая. Отзывы современников о «Войне и мире»*. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/gusev-materialy-1855-1869/otzyvy-sovremennikov-o-vojne-i-mire.htm>. (4. 4. 2020.).

Зайднершнур, Э. Е. (1966): *«Война и мир» Л. Н. Толстого создание великой книги*. Москва: Издательство Книга.

Толстой, Л. Н. (1962): *Война и мир. Тома 1-2*. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Толстой, Л. Н. (1962): *Война и мир. Тома 3-4*. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Толстой, Л. Н. (1868): *Несколько слов по поводу книги Война и мир*. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/publicistika-25.htm>. (4. 4. 2020.).

Толстой, Л. Н.: *Дневники г. 1857. – 1869*. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevniki/index.htm>. (1. 4. 2020.).

Толстой, Л. Н.: *Письма*. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1844-1855/index.htm>. (1. 4. 2020.).

Цявловски, М. А.: *Как писался и печатался роман Война и мир*. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/cyavlovskij-kak-pisalsya-i-pechatalnya-roman-vojna-i-mir.htm>. (4. 4. 2020.).

Эйхенбаум, Б. М. (2009): *Лев Толстой. Исследования. Статьи*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.

Biet, C. (1993): *Les Mémoires d'Europe, Anthologie des littératures européennes, tome II : 1789-1900*. Paris: Gallimard.

Compagnon, A. (2007): *Demon teorije*. Zagreb: AGM.

Godechot, J. (1967): *L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne (1800-1815)*. Paris: Presses universitaires de France.

Goreloff, B. (1975): *La signification de l'emploi du français par la haute aristocratie russe dans Guerre et paix de Tolstoï*. В: «Études Slaves et Est-Européennes», Vol. 20/21 (1975/76). p: 74-78. <http://www.jstor.org/stable/41056096>. (1. 4. 2020.).

Lauer, R. (2009): *Povijest ruske književnosti*. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga.

Patouillet, J. (1922): *Molière et sa fortune en Russie*. B: «Études Slaves et Est-Européennes», Vol. 2, No. 3/4 (1922). C. 272-302. <https://www.jstor.org/stable/43268670>. (7. 5. 2020.).

Proudhon, P. J. (1861): *La guerre et la paix: recherches sur le principe et la constitution du droit des gens*. Paris: Michel Lévy Frères.

Žmegač, V. (2019): *Portreti gradova. London, Venecija, München, Sankt Peterburg. Kulturnopovijesni prikazi*. Zagreb: Matica hrvatska.

Sažetak

U diplomskom se radu analiziraju dijelovi romana „Rat i mir“ L. N. Tolstoja iz perspektive francuskog interteksta. Polazeći od izvora kao što su Tolstojev „Dnevnik“ i korespondencija, prati se razvoj romana „Rat i mir“ od ideje do konačne verzije romana te se promatra utjecaj izvanknjiževnih aspekata (Tolstojeve izjave o procesu pisanja) na strukturu i sadržaj romana. Unatoč tomu što je „Rat i mir“ u književno-povijesnim pregledima zabilježen kao povijesna epopeja, Tolstoj se vodi idejom antihistorizma te posebnu pozornost daje prikazu svakodnevice i različitih društvenih grupa. U tom je kontekstu zanimljiva upotreba francuskog jezika, koja se usko veže uz krugove aristokracije. Osim francuskog jezika, u tekstu se nalaze i poveznice sa značajnim djelima francuskih autora, prije svega filozofa. Najznačajnije su za taj roman svakako poveznice s dramskim djelima Molièrea te filozofskim i političkim djelima Montesquieua i Proudhona. Tekst Proudhona, koji spominjemo u radu, posebno je zanimljiv i zbog svog sadržaja, ali i zbog svog naslova „La guerre et la paix“.

Ključne riječi

L. N. Tolstoj, „Rat i mir“, antihistorizam, B. M. Èjhenbaum, francuski intertekst, ruska aristokracija, Andrej Bolkonskij, Pierre Bezuhov, Elen Kuragina, Anatol' Kuragin, „Carte tendre“, francuski salon, Molière, C. L. Montesquieu, P. J. Proudhon,

Ключевые слова

Л. Н. Толстой, «Война и мир», антиисторизм, Б. М. Эйхенбаум, французский интертекст, русская аристократия, Андрей Болконский, Пьер Безухов, Элен Курагина, Анатолий Курагин, «Carte tendre», французский салон, Мольер, Ц. Л. Монтескье, П. Й. Прудон

Životopis

Jelena Šincek rođena je 1994. godine u Zagrebu. Godine 2012. završava Glazbeno učilište Elly Bašić te maturira s violinom kao glavnim predmetom. 2013. godine završava Klasičnu gimnaziju u Zagrebu te upisuje dvopredmetni studij Ruski jezik i književnost te Francuski jezik i književnost na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu. 2017. godine upisuje diplomski studij Francuski jezik i književnost na pedagoškom smjeru. U zimskom semestru 2019. godine boravi na Université d'Artois u sklopu Erasmus + studijskog boravka.